

Ирина Павлова

НАСЛЕДИЕ:
ЗВЕЗДА,
УШАВШАЯ В ПЕПЕЛ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павлова Ирина
Наследие: звезда,
упавшая в пепел
Серия «Печать Наследия», книга 1

*<https://litres.ru/74042926>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Нира всегда знала: тайны прошлого не вечны. Они просачиваются сквозь щели времени. Тихо. Не спеша.

Старые друзья возвращаются без стука. Случайные незнакомцы знают о тебе больше, чем ты сам. А ветхие воспоминания способны стать ключом к новой жизни.

Прошло почти семь лет с того дня, когда Нира решилась на преступление. Но вместо договоренного убийства она украла дочь графа и скрывала ее от чужих глаз. Мир нашел их сам.

Когда на пороге дома появляются союзники, а на горизонте война — бежать некуда. Единственный шанс на спасение похож на ледяную прорубь: перестать быть той, кем отчаянно притворялась всю жизнь. И, возможно, научиться доверять.

Ради себя — чтобы научиться дышать полной грудью.

Ради друзей — судьбы которых теперь держатся на ее плечах.

И ради дочери — чья жизнь стала якорем в нескончаемом шторме.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	24
Глава 3	38
Глава 4	48
Глава 5	62
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Наследие: звезда, упавшая в пепел

Пролог

Тысячелетиями небесное светило наблюдало за людьми. Его взгляд был холодным, равнодушным, далеким — он давал влюбленным надежду на долгое счастье. Луна видела рождение и гибель империй, слышала звонкий, словно весенняя капель, смех детей, что сливался с горькими слезами матерей.

Однажды, когда луна созерцала ночную жизнь, ее свет случайно упал на склон холма и осветил фигуру. Это был мужчина, развалившийся на траве. Он смотрел на луну, не отводя взгляда, и протягивал руку, будто хотел прикоснуться к ней.

Царица ночи задержала на нем луч и с любопытством наблюдала. В этот миг внутри нее шевельнулось волнение: ей показалось, будто он дотронулся до нее сквозь пропасть, отделяющую небо от земли.

Впервые луна сошла с неба бесшумно, словно ее тянула вниз невидимая нить, оставив вместо себя на небе тысячулетнюю пустоту. Под тонкой кожей текла не кровь, а лунный свет, отчего тело оставалось безжизненно-холодным. Воло-

сы — длинные и тяжелые — струились до самой талии.

Лес стоял плотной стеной. Старые дубы с кривыми стволами будто пытались вырваться из-под власти земли, изгибаясь и вытягивая кроны к небу. Корни ясеней, напротив, уходили вниз глубже людской памяти. Костер горел в центре поляны, на небольшом возвышении, выложенном камнями. Языки пламени едва лизали толстые поленья, покрытые слоем пепла.

На поляне стоял не купец, не дворянин, даже не воин — это был обычный бродяга. Его темные, глубокие глаза смотрели вверх с тихой тоской, не вязавшейся с грубоватыми чертами. Тьма опустилась на землю тяжелым грузом так незаметно, что это удивило мужчину. Он присел, почесал голову — русые, давно не знавшие ножниц волосы падали на плечи спутанными прядями.

Луна стояла за старым дубом, не сводя с него глаз. Бродяга гладил волка, подбрасывая сухую ветку в костер. Время было позднее, он укрылся плащом и заснул. Девушка ловила каждое его движение.

После этого дня луна спускалась каждую ночь, чтобы несколько часов наблюдать за спящей душой. На улицах городов пахло тревогой. Сумрак поглощал все вокруг в считанное мгновение. Люди боялись спать, чувствуя чье-то присутствие. Кто-то говорил, что это упыри выходят на охоту, другие утверждали — близится вечный мрак, но никто не знал правды.

Дни проходили одинаково, но луна вдруг обнаружила, что не хочет возвращаться на одинокое небо, где ее никто не ждал.

«Я — луна, а он — человек. Если я покажусь, он испугается или поклонится. Я не хочу поклонов. Я хочу...»

Ответ так и не пришел — только желание чего-то недоступного, как жажда в засуху. Боги, наблюдая за происходящим, заметили странную мглу, спускающуюся на мир. Поняв, что луна покинула свой пост, Природа захотела насильно вернуть светило на небо, но у богов политики и воздаяния были свои планы.

Стоя за дубом, она услышала голос. Так близко, будто кто-то дышал в ухо:

— Ты можешь прятаться за деревьями вечность, но он состарится и умрет. Его кости сгниют, а ты останешься одна смотреть на пустой холм. Или...

— Или что? Я не боюсь кары богов, — в голосе луны звучала уверенность.

— Заворожи его, — прошептал бог политики. — Всего на миг. Чтобы ты увидела, насколько люди падки и слабы. Что в этом плохого?

Девушка не знала, что такое «плохо». Вспоминая холод и пустоту, убивавшие ее все эти годы, она поддалась соблазну и вышла из тени. Простое белое платье, напоминающее ночную сорочку, волочилось по земле. Босые ноги, наступавшие на острые ветки, не чувствовали боли.

Луна подошла к спящему мужчине, и волки, лежавшие рядом, подняли головы. Они были послушны и охраняли покой хозяина. Их спокойный взгляд пробирал до мурашек. Луна опустила на корточки, вглядываясь в тонкое лицо с высокими скулами. Бледные губы разомкнулись, но от страха девушка не могла произнести ни звука.

Собравшись с силами, она приподняла голову, и ее облик стал более уверенным.

— Проснись, — тишину прервал дрожащий голос.

Бродяга проснулся и увидел перед собой удивительной красоты даму. Она, присев на корточки, протягивала трясущуюся руку к его груди. Луна взяла из горячего сердца тот свет, что переполняет мужчину с ног до головы, — ярко-желтый, будто само солнце опустилось в женскую ладонь. Мужчина не мог пошевелиться: мир вокруг, как и он сам, замер. Он мог только наблюдать за действиями прекрасной незнакомки, которая пробуждала теплые чувства одним своим холодным, но пронизательным взглядом.

Луна, не спрашивая, взяла его душу в свои руки и перелила в него свое желание, тоску и тысячулетнюю пустоту, которую он случайно осветил.

— Люби меня.

И он полюбил...

Целый месяц луна слушала баллады о необъятной и сильной любви. Мужчина приносил цветы, лаская ее слух теплыми словами. Он никогда не спрашивал, откуда девушка взя-

лась. Быть может, не мог. А может, не хотел?

Королева ночи смотрела в человеческие глаза и в отражении не видела себя. Магия затуманила светлый разум, превратив его в лунную марионетку. Очередной раз обратив на это внимание, когда возлюбленный спал, луна долго смотрела на его лицо, освещенное углями костра, и поняла: она не хотела забирать чужую волю. Она хотела испытать настоящую, неподдельную любовь, которая отпугивает безумные мысли.

Луна наклонилась и поцеловала мужчину в лоб — на этот раз с грустью и скорбью. С усилием, как выдергивают корень из земли, она забрала обратно свою магию, прихватив теплый человеческий свет. Девушка медленно развернулась и сделала шаг в сторону леса.

— Ты уходишь?

Голос за спиной прозвучал тихо и хрипло ото сна. Он поднялся и смотрел на нее тем же теплым взглядом, что и раньше.

— Я... — начала она и остановилась. — Я заморозила тебя. Заставила полюбить. Это неправильно.

— Знаю, — голос мужчины был глухим.

— Откуда?

— Я чувствовал. Все это время. Что-то было не так. Я проснулся сегодня и подумал: «А что, если я люблю ее не потому, что хочу, а потому, что она так решила?» — и испугался.

— Прости, — луна отвернулась, опустив голову и прикрыв лицо руками. — Я не умею... я никогда раньше...
— Я любил тебя и без магии.

Слова упали между ними. Бродяга протянул руки и вытер маленькую слезу, похожую на звезду, с ее щеки.

В ту же секунду мир переломился. Воздух стал тяжелым, как свинец, поднялся сильный ветер — и потушил огонь одним дуновением. Языки пламени замерли и рассыпались пеплом, оставив только холодные угли.

Туман перестал стелиться — он повис в воздухе неподвижными клочьями, будто кто-то вырвал время из мира. Волки, что спали у края поляны, разом подняли головы. Они отползли в сторону и поджали хвосты.

И тогда человек яростно закричал. В его голосе были слышны боль и страдания. Мужчина схватился за грудь, упав на колени, и его тело начало преображаться. Спина выгнулась дугой, а кожа на руках лопнула. Из разрывов полезла густая серебристая шерсть. Пальцы скрючились, а ногти почернели и вытянулись в когти. Лицо стало вытягиваться с ужасной болью, которою не переживет ни один человек. Челюсть удлинилась, заполняясь новыми, острыми зубами.

Спустя несколько ударов сердца на земле стоял волк. Только глаза, те самые, что и прежде напоминали о его человечности. Из-за невыносимой боли его голос сорвался и растворился в воздухе, оставив только бесконечную, глухую тоску. В миг лес ожил и даже потухший огонь снова загорел-

ся слабым пламенем.

Волк посмотрел на луну долгим взглядом и заметил в ее кулаке золотое сияние.

Молча развернувшись, он ушел в лес, не оглядываясь. И только когда черная тень растворилась между стволами, из темноты донесся протяжный, леденящий душу вой. Первый вой, на который мужчина решился.

Никто не знал имени человека, оставшегося навеки проклятым, но волку, который каждую ночь выходил на опушку и смотрел на яркую луну, дали имя — Рауль.

Молва ходила разная, и по сей день никто не знает, что пришлось пережить бродяге.

Луна больше никогда не спускалась на землю. Она осталась на небе — холодная, далекая, но уже не равнодушная. Каждую осень она одаривала теплым медовым светом, который дарил земле силу, людям — жизнь, а Раулю — спокойствие.

Но раз в двадцать лет ее свет меняется, будто кто-то добавляет черной краски, и луч падает на случайную постель, освещая маленькую растущую жизнь внутри матери. Такие дети рождаются непохожими на других. Их кожа бела, как первый снег, а волосы черны, как безлунная ночь. В их глазах теплится мягкий свет, редко не гаснущий даже в темноте. Такие дети растут несчастными. Они тоскуют без причины, чувствуя в сердце пустоту — ту самую, что тысячелетия носила в себе луна.

Детские тела источают смертельный холод, отчего люди шепчутся о заразе, что идет от их прикосновений. Стоило жителям отогнать стаю Рауля от своих домов, как в ночи начиналась кровавая жатва: звери рвали скот, унося добычу в острых, как стекло, зубах.

Люди сразу понимают: ребенок теперь принадлежит волкам, которые до последнего будут пытаться его забрать. Крайний возраст, отсчитанный в истории Астерии, — десять лет. Те, кто искал пропавших детей, находили только следы на снегу да сломанные ветки. Были и такие, кто отдавал младенцев волкам через месяц после рождения. Никто не хотел испытывать удачу: Рауль со своими серебряными волками был куда страшнее упырей, и народ просто боялся.

Но судьба не знает слова «всегда». И однажды — без грома, без знамений — круг разомкнулся.

Глава 1

Мир, в котором мы живем, держится на четырех столпах.

Первый — бог природы. Он соткал леса, реки, зверей и смену времен. Дышит он — и становится ветер. Кровь прольет — и реки текут. Тело его — сама земля, по которой мы ходим.

А второй... второй страшнее — бог политики. Он не поднимает меч — зачем? Словом можно сделать больше. И делает. Он шепчет королям законы. Советникам — интриги. Иногда — просто так, для удовольствия. Говорят, он любит тех, кто умеет ждать и льстить. Тех, кто наносит удар, — не в спину, а так, чтобы никто не понял, откуда пришла смерть. У него есть любимчики. Их немного. Ему не молятся на поле боя — только в тишине кабинетов, за закрытыми дверьми, когда решается судьба империи.

Бог торговли, чье имя редко произносят вслух, но каждый день благодарят, сами того не зная, связал города дорогами, моря — кораблями, а сердца — монетами. Говорят, он не принимает сторону ни в одной войне, потому что обе стороны платят ему золотом.

Четвертый не плетет интриги, не ждет, не торгует и не создает. Бог воздаяния не судит — он лишь возвращает. Каждое доброе дело возвращается удачей и счастьем. Каждый грех и каждое слово, сказанное в темноте, воздается тому,

кто его породил. Бог не справедлив и не жесток. К нему редко обращаются в молитве, так как он не дает то, что человек может взять сам. Люди вспоминают его имя, только когда уже нечего терять.

Этот мир был бы совершенен, если бы боги умели любить. Но ни одна божественная сила не испытывала этого чувства, считая его человеческой слабостью, которую боги не могли себе позволить.

Тогда появились четыре опоры, и одна из них — Семья Кастр, получившая благословение бога торговли. Их золото течет по империи как вода. Говорят, Бальтазар может купить все, кроме собственной совести, а взять у него золото — все равно что войти в реку. Поначалу ты чувствуешь только весенний и приятный холодок. А когда понимаешь, что плыть уже не можешь, холод пробирает тебя насквозь и река поглощает с головой.

Девиз графа прост: «Весы не лгут». Но Бальтазар забыл, что они показывают не только вес золота, но и ценность поступков. Даже самых лукавых и беспристрастных.

В тот злополучный день дождь барабанил по массивным подоконникам, а ветер бросал большие капли в темные окна душного кабинета. Тяжелый воздух, пропитанный ладаном из кадилъницы, смешался с запахом табака и затхлого вина. На стене красовался герб, изображенный на тяжелой, как бремя графа, ткани. Символ, олицетворяющий мудрость и силу: два скрещенных меча над раскрытой книгой, по краям

которых расположены лавровые ветви — напоминал Бальтазару о своем долге. В углу на резной подставке стоял символ связи с богом торговли — золотые весы с почерневшими от времени чашами. Граф никогда не молился богу открыто, но весы всегда держал в поле зрения, хотя ими не пользовался. Он считал их обычным элементом интерьера. Или хотел так считать?

Бальтазар стоял прямо, как нерушимая крепость. Его худощавое тело скрывалось в темном рабочем костюме. На напряженных скулах ходили желваки, но лицо не показывало эмоций, только прищур выдавал нервное состояние графа. Темно-зеленые, как тина на болоте, глаза смотрели куда-то в ночь. Вдали он увидел огромного волка, размером с взрослого медведя. Его серебристая шерсть переливалась в лунном свете, а коричневой полосой вдоль хребта прокладывалась как дорожка от головы до самого кончика хвоста.

«Серебряный гончий? Только его здесь не хватало».

Белые, как помутневший лед, глаза будто впились в него. Сквозь пелену мужчина ощутил, будто в его душу вторглись, поднимая со дна забытые страхи и тени прошлого. Граф медленно моргнул — и на месте гончего осталась только покрытая лунной пылью трава.

«Показалось. Надо лечь сегодня раньше».

Мавра ходила по кабинету и в каждом ее шаге читалось беспокойство. Ее пальцы теребили край шерстяной накидки, в спешке наброшенной поверх ночной сорочки. Медные

пряди растрепались, а гладкое овальное лицо покраснелось от криков и ярости. Девушка напоминала птицу, что бьется о прутья клетки и желает вырваться наружу чтобы вздохнуть полной грудью.

— Почему ты молчишь? Ты не понимаешь, что она ребенок? — голос дрожал, срываясь на хрип.

Бальтазар не повернул головы, а лишь слегка прищурился.

— Она отмечена луной... Нужно отдать ее волкам — и дело с концом. Она не выживет.

— Конечно выживет!

— И что после? — он повернулся, и его презрительный взгляд осматривал девушку с головы до ног. — Будет жить здесь? Ты думаешь, не найдутся дураки в округе, которые будут показывать пальцем и распускать слухи?

— Она же дитя! — Мавра сжала кулаки и по щеке скатилась первая слеза.

— Для людей она — чудовище, несущее болезни и страх. Для меня — обуза. — Оборвав нить своих мыслей, Бальтазар отошел от окна и взял со стола бокал дорогого вина, но пить не стал, будто желание угасло прежде, чем осуществилось. — Авигея не выживет. А если и выживет — будет только мешаться. От нее будут одни убытки. Никакой пользы. А еще... — мужчина на мгновение прервался, будто думал, стоит ли говорить. — Я никогда не смогу ее обнять.

— Ты думаешь, я не прикасалась к ее холодному телу? Я касалась ее тысячу раз и все еще здесь. Жива и здорова!

Между ними повисла тяжелая тишина, которую нельзя разорвать ни самым громким криком, ни самым тихим шепотом.

— Баль, — девушка стала медленно подходить к мужу, протягивая трясущуюся руку. — Не забывай, прошу... Ты говоришь о своей дочери.

— Я говорю о том, что появилось в моем доме без моего желания.

Мавра замерла, высокомерно вскинув голову. Ее взгляд упал на старые весы, что уже давно не отражали свет.

— Ты не можешь просто выкинуть ее...

— А я и не выкину. — Он поставил бокал. — Уедешь с ней. Подальше от моих глаз.

— Чтобы я пряталась до конца дней?

— Чтобы я не видел это каждый день. — Прищур Бальтазара был холоднее дождя за окном. — Ты мне не жена. И ребенок этот — не мой.

Мавра ощутила свою беспомощность, и внутри нее все замерло. Слезы текли по щекам водопадом, но она их будто не замечала, пытаясь поймать хотя бы одну из тысячи мыслей, чтобы уговорить Бальтазара. Но он уже все решил:

— У тебя два дня, чтобы собраться. Я не хочу вас видеть в моем доме.

Бальтазар вышел из кабинета, оставив Мавру слушать нескончаемый дождь. Резкий хлопок двери, словно удар под дых, развеял материнскую надежду и любовь, как стаю ди-

ких голубей.

В соседней комнате тихо спала Авигея. Время, наполнявшее комнату спокойствием и нежностью, будто замерло вокруг нее. Маленькому комочку, от которого доносился едва уловимый запах лаванды и свежестиранного белья, был месяц от роду. Кожа ее была необычайно светлой, а волосы — темнее безлунной ночи. Авигея, сжимая крошечный кулачок, улыбалась во сне и из груди доносился почти неслышимый вой. На тумбочке у люльки сверкала золотая брошь с маленьким темным камнем, который отражал лунный свет.

Два дня Мавра бродила по поместью словно тень, стараясь не обращать на себя внимание. Слуги, всю жизнь преданные графу, отводили глаза и прибавляли шаг, делая вид, что не видели ни ее, ни малышки. Бальтазар не удостоил жену даже взглядом, оставляя после себя только пустоту. Лишь старая горничная, та, что когда-то нянчила маленького Бальтазара, подошла на рассвете второго дня. Молча положив на комод узелок с сухарями и теплыми пеленками, она бросила кроткий взгляд и медленно ушла. Мавра сдерживала слезы, зная, что малейший звук из ее уст может вызвать неудержимый поток горя и рыдания.

Первые лучи не успели пробиться сквозь кромку деревьев, как небо затянуло серой пеленой. Над землей стелился липкий и густой туман, а ветер резал по лицу, как осок. Двор поместья казался вымершим — ни звука, ни движения, только вороны кружили над Маврой, будто присмат-

ривая добычу. Слуги складывали последние вещи в старую темно-зеленую карету с облупившейся краской. Ее обычно использовали для хозяйственных нужд, что не очень нравилось Мавре, но выбора никто не давал.

Девушка всматривалась в старого кучера. Морщины его извивались по лицу, словно горные реки на старой карте, а руки дрожали больше от возраста, чем от холода.

— Трогай, — голос девушки прозвучал тихо, почти безжизненно.

Карета качнулась и покатилась к воротам.

Лошади неспешно ступали, отбивая ритм, по булыжной мостовой, что сменялась вязкой глиняной дорогой, размокшей после трехдневных дождей. Мавра смотрела в маленькое запыленное окно и прощалась с поместьем. Сначала исчезли острые шпили башен, а затем и старые, прохудившиеся крыши. Через мгновение весь дом растворился в утренней дымке, и девушка оглянулась в его сторону с ненавистью, посеянной в ней за последние два дня.

Поместье уступило место бескрайним полям и лесам, раскинувшимся вдоль узкой дороги. Деревья сомкнулись над головой, лишь изредка давая солнечным лучам пробиться сквозь кроны. Воздух постепенно насыщался влагой и запахом прелых листьев, свежих грибов и уловимой ноткой тины. Карета скрипела на каждом ухабе.

Мавра, скованная страхом, почти не смотрела на дочь. Она боялась увидеть в крошечном личике отблески от-

цовских деспотичных черт. Ее переполнял страх полюбить слишком сильно, до боли, и не защитить в нужный момент. Авигея спала, свернувшись маленьким холодным калачиком. Ее фарфоровая кожа отливала белизной, а черные ресницы напоминали два тоненьких полумесяца. Время от времени из груди вырывался тот странный, едва уловимый звук.

Мавра осторожно погладила Авигею по голове, и в материнском голосе послышалась дрожь.

— Ты только не плачь. Все будет хорошо.

Сама она в это не верила, а внутри нарастала тревога, сдавливающая грудь.

Кучер остановил лошадей у самой кромки леса, когда солнце поднялось уже высоко над горизонтом.

— Госпожа, надо передохнуть, — сказал он. — Лошади устали.

Мавра лишь молча кивнула, не выходя из кареты. Она достала сухарь и, размочив его в воде, протянула Авигее. Та сморщила носик и есть не стала.

— Долго еще? — спросила Мавра.

— До ближайшей деревни часа три, — ответил кучер.

— Поехали дальше. Не хочу здесь задерживаться.

— Что-то не по себе мне здесь, госпожа...

Не успела Мавра спросить, что именно его беспокоит, как в этот же миг прямо перед каретой выросли три тени. Их лица были скрыты под капюшонами. Лошади заржали, встав на дыбы, и тогда кучер закричал, но один из нападающих уже

схватил поводья.

— Выходи, — раздался безразличный голос.

Мавра прижала к груди Авигею — самое дорогое, что может быть у матери, — и беспомощно закричала:

— Не трогайте нас! У меня нет денег!

— Деньги нам не нужны.

Дверца распахнулась, и грубая рука выдернула девушку наружу. Мавра упала на мокрую землю, но не выпустила ребенка. Авигея проснулась и заплакала — громко, отчаянно, впервые в жизни.

— Отдай дитя, — в голосе громилы звучала надменная усмешка.

Мавра вскрикнула, пытаясь сопротивляться, но силы были явно неравны. Один из бандитов вырвал ребенка и оттолкнул мать. Рука Мавры, на которую она упиралась, соскользнула. И девушка ударилась головой о колесо кареты, от чего тело безвольно обмякло. Один из нападавших нагнулся и, прислонив руку к носу девушки, нахмурился. «Вроде не дышит», — подумал он.

Переведя взгляд на ребенка, которого держал его сообщник, он дотронулся до лба и отдернул пальцы, словно ужаленный.

— Холодная, как лед, — сказал он тихо. — Живая, но холодная.

— Забираем, — бросил тот, что держал ребенка. — Быстрее. Мы опаздываем! А эту гнездики добьют.

Грязь смешалась с кровью, и под головой Мавры земля быстро потемнела. Медленно, почти незаметно из-под земли начал выползать паук размером с яблоко. Маленькие падальщики, как он, высасывают кровь ртом-трубкой, которая спрятана за твердым наростом. Не имея головы, они ориентируются на угасающее тепло и запах крови. Отличает гнезди́ков от стервятников то, что они любят питаться еще не остывшей кровью.

Обнюхав умирающую девушку, он издал тонкий, почти неслышный человеческому уху свист, на который стали выползать сородичи. Перебирая своими маленькими, неестественно длинными и тонкими лапками, как мухи над падалью, они подготавливали свой хобот к трапезе.

Авигея, прижатая к чужой груди, в мгновение затихла. Почувствовав запах железа и сырости, она словно поняла — матери больше нет. Третий головорез молчаливо и быстро шагнул к кучеру. В это время двое других уже растворились в чаще. Последнее, что видел старик, — только взмах блестящего клинка перед глазами.

Лес затих в мгновение, будто невидимая рука погасила все звуки: птицы замолчали, ветер замер и даже капли, падающие с деревьев, повисли в воздухе. На дороге стояла перекошенная карета, а рядом лежал старый кучер. Гнезди́ки уже начали подбираться и к нему, наслаждаясь пиром. Мавра — чуть поодаль, с открытыми глазами, в которых больше не горела жизнь.

В это время у старого дуба, чьи корни выступали из земли, образуя естественные уступы, женщина в темном плаще провела уже несколько часов. Ее взгляд был прикован к дороге, что вилась внизу, между деревьями. Лицо скрывал глубокий капюшон, и в скупом дневном свете невозможно было разглядеть ни черт, ни возраста. Босые ступни опирались на мохнатые корни.

Со стороны она казалась заблудшей душой. Ее шепот едва слышно призывал к богу воздаяния.

— Прости меня за то, что вплетаю в свою жизнь чужую, не мной рожденную. За то, что нарушаю и без того хрупкое равновесие. Но ты же видишь... иначе никак.

Нира Лоренс. Ее имя знали немногие, а в мире людей ее называли не иначе как «лесная ведьма». Для тех, кто внимал шепоту ветра и постигал тихий говор деревьев, она была целительницей, чьи пальцы знали силу трав и росы. В свои двадцать три года она знала больше, чем выдающийся лекарь. А те, кто видел лишь тень, скользящую меж стволов, считали ее степной гадюкой.

Из леса показались двое мужчин. Выглядели они опрятно, хоть их одежда несла на себе отпечаток долгого пути. Один насвистывал незамысловатую песню, радуясь успешному выполнению задания. Словно сбросив с себя тяжелое бремя, он шел налегке, оглядывался по сторонам с широкой улыбкой, предвкушая долгожданный отдых и щедрую награду. Его спутник был серьезен, бережно неся ребенка и боясь

уронить. Двигаясь неторопливо, он будто просчитывал каждый свой шаг.

— Твоя взяла, — мужчина протянул ребенка.

Не глядя на бандитов, Нира медленно перехватила маленькую холодную звездочку.

— Мать пришлось убрать. Кучера тоже.

— Это не ваша забота, — голос ее был резким. — Передайте графу, что мы сделали что велели. Девка исчезла — и след простыл.

В глазах мужчин читался гнев, который боролся со страхом. Никто не посмел возразить ведьме на ее дерзкие слова, так как перечить было подобно смерти. Без единого слова на прощание мужчины поспешили скрыться между деревьев.

Нира приподняла край пеленки и заметила, что девочка тихо всхлипывала во сне. На ее щеке, у самого уголка губ, застыла лазурная слеза, напоминающая кусочек утреннего неба, запертый в крошечной капле.

— Вот ты какая, дитя луны...

Она укутала малыша в свою шаль и, прижав к сердцу, пошла в чащу. Пошла туда, где среди старых дубов притаился маленький одинокий домик. Спрятанный от всех.

Так началась новая жизнь. И никто не знал, чем она закончится.

Глава 2

Годы шли спокойно. Жаркое лето отдавало бразды правления прохладной осени. Зима приходила без предупреждения и долго отстаивала свое время, не уступая весне. Каждый сезон сменял друг друга, и весна все так же покорно уступала место пламенному лету.

После кончины Мавры не прошло и года, как Бальтазар сменил свой статус вдовца на семьянина, заключив союз с дочерью близкого приятеля своего отца. Молодая супруга долгое время не могла родить ребенка, что вызывало тревогу и разочарование. Общество настаивало на рождении наследника, и вот спустя четыре с лишним года Бальтазар снова почувствовал себя отцом. Граф приказал устроить большой праздник, выделив огромное количество средств.

Тем временем утро в лесу Старого Дуба, что находился недалеко от Линдена, начиналось тихо. Первые солнечные лучи коснулись верхушки старой, давно заброшенной мельницы с провалившейся крышей, что стояла на холме за лесом. Теплый утренний свет скользнул по покатой стене, спустился к ручью и разбудил в нем золотые искры. Вода бежала по камням медленно, словно тоже только начинала бодрствовать. В кромке деревьев переливчато звенели птицы. Воздух был пропитан запахом мокрой коры, прошлогодних листьев и терпким ароматом можжевельника. Ни ветра.

Ни тревоги.

Лес жил своей неторопливой жизнью, а вместе с ним — лесная ведьма. Маленький домик, прижавшийся к кромке темного леса, будто затерялся во времени. Потускневшая черепица на крыше протекала из-за сильных дождей, а деревянные стены годами пропитывались магией. Внешне дом выглядел обыденно, в то время как внутри царила атмосфера тепла и уюта.

Нира почти всю ночь не спала, размышляя, стоит ли везти дочь в город. Городской шум, людская суета и любопытствующие взгляды — все то, что настораживало Ниру, не давая ей спокойно отдыхать. Но Авигея за свои шесть лет никогда не видела праздник. Она не знала, как звучат уличные музыканты и каковы на вкус праздничные блюда.

Нежный поцелуй в лоб разбудил маленькую Авигею. Открыв глаза, она встретила взглядом с Нирой, которая уже приготовила вкусный завтрак.

— Вставай, лежебока! Сегодня много дел.

Восторженно запрыгав от радости, Авигея принялась торопливо одеваться. На кровати уже лежали приготовленные вещи. Первым делом Нира надела на нее белую, свободную в плечах блузу с длинными рукавами и строгим стоячим воротничком. Рукава заканчивались милыми манжетами с маленькими деревянными пуговицами, с которыми проказница любила играть. Ведьме было тяжело надеть на нетерпеливую Авигею сарафан глубоко вишневого цвета. Мелкие вол-

нистые оборочки нежно украшали низ юбочки.

Авигея нехотя взяла ложку, но перед этим задержала взгляд на матери, которая подготавливала черные штанишки. Девочка смотрела на Ниру сотни раз, но сегодня почему-то увидела по-новому.

Нира подошла к печи, помешивая что-то в горшке. Ее овальное лицо с выразительными скулами уже тронули мелкие морщины, которые были больше признаком бессонницы, нежели возраста. Утратившие былую яркость ее зеленые глаза были подобны стоячему болоту. Ее красоту дополняли курносый нос, полные губы и изящные дугообразные брови.

— Чего смотришь?

— Так, — Авигея отвела глаза. — Ничего.

— Ты должна поесть, иначе в город не поедem. Ты же не хочешь пропустить праздник?

Внутри домик казался небольшим, но вполне уютным для двоих. Возле окна, укрытая теплым шерстяным одеялом, стояла кровать Ниры, в то время как кровать Авигеи располагалась ближе к другой стене. Между ними стоял небольшой столик, на котором разместились различные склянки и травы, создавая теплую рабочую атмосферу. Стены комнаты были украшены связками трав, а на подоконнике благоухали мята и цветы лаванды.

— Это тебе, — Нира протянула маленькую заколку. — Подарок в честь праздника.

Авигея тотчас захотела вырвать из рук маленькое сереб-

ряное украшение с темным камнем, но ведьма просчитала шаги любопытной сороки наперед, сжав кулак и спрятав в нем сокровище.

— Если ты потеряешься или тебе станет плохо, — тихо сказала она, — эта заколка поможет мне найти тебя. Я всегда буду рядом. Только не снимай ее, когда мы ходим в город. Запомнила?

Девочка одобрительно кивнула и наконец смогла взять в руки свое первое украшение. За свои шесть лет она могла радоваться только цветочному венку, который собирала Нира, когда уходила вглубь леса.

Прикрепив заколку, дочь выбежала во двор, радостно кружась, ведь впереди ее ждал радостный день. Ее волосы на солнце стали отражаться каштановым оттенком, будто они никогда не знали холодной тьмы своего цвета.

Нира смотрела на Авигею через окно. Заколка скрывала то, что люди назвали бы «лунной сущностью». Без нее дочь была как открытая рана — слишком заметная и подозрительная. Старая подруга, с которой ведьма переписывалась, помогла зачаровать камень. Хоть магия и могла скрыть внешность девочки, но леденящее душу холодное сияние никакими силами нельзя было разогнать.

Нира вышла из дома неспеша, глядя на запад, куда им и стоило направиться. Девушка вглядывалась в глубь леса, пытаясь остановить поток своих чувств. Протоптанная тропа, едва заметная среди переплетенных корней и травинки, на-

веивала воспоминание о том, кто однажды стер ее след из своей жизни, но до сих пор оставался желанным гостем.

Авигея крепко схватила мать за руку, сделав кроткий шаг в сторону лесной тропинки. Нира, вырвавшись из плена воспоминаний, пошла следом за неугомонной дочерью. По пути девочка оглядывалась, будто запоминая каждое старое дерево и зеленую травинку. Дорога их была долгой, и только любопытство Авигеи скрашивало путь.

Через некоторое время впереди стал виден ручей, чья вода переливалась в солнечных лучах. Девочка заметила маленькие темно-зеленые комочки, тихо сидящие в траве. Их зеленые рты забавно раздулись с характерным квакающим звуком, и Авигея рассмеялась звонким смехом, отчего испуганные лягушки разом нырнули в прохладную глубину ручейка.

Продолжив путь, девочка попыталась обратить внимание матери:

— Мама, трава... светилась.

— Тебе показалось, милая. Солнце играет. — Нира обернулась, бросив взгляд на землю. — Пошли, нам еще в город успеть.

Ведьма медленно сглотнула, понимая, что пытается обмануть саму себя. Чем старше становилась дочь, тем страшнее было признаться в своей беспомощности. Сама не зная ответов на вопросы, девушка боялась показаться потерянным ребенком в глазах Авигеи.

Выйдя на большую дорогу, Нира услышала позади тихое постукивание колес.

— Подвезти?

Вздвогнув, ведьма обернулась и разглядела старика с густо-пушистой бородой, которая была похожа на перевитый куст боярышника. Старый, заношенный до дыр тулуп придавал ему вид рабочего человека, отдающего все деньги семье и обделяющего себя самого.

Нира молча взобралась с дочерью в повозку, разместившись на колючем сене. Ведьма нередко пользовалась добротой людей, но сама помощи не просила. Мало кто был готов помочь лесной ведьме из глуши.

Возница покосился, будто оценивал степень опасности, но тронул лошадей.

— А вы, собственно, кто такие будете? Из лесу, видать. А по какому делу в город?

— Едем праздник посмотреть, — Нира прижала Авигею ближе. — Девочку порадовать.

— Живете где?

— На опушке. Недалеко от старой мельницы.

— Знаю то место, — старик покосился на нее с подозрением. — Лес глухой, одна нечисть.

Авигея высунулась из сена:

— У нас дом хороший! И лягушки есть! А еще...

Нира ущипнула дочь за плечо, будто давая знак, что стоит промолчать. Возница сморщил брови, оглядев через плечо

девочку. Переведя взгляд на мать, он тихо спросил, но в голосе его звучало утверждение:

— Ведьма?

— Да, лесная.

Девушка не скрывала свое происхождение не без причины. Она всегда помнила, что Астерия — страна свободных нравов и либеральных идей, раньше существовала как тоталитарное общество, и только спустя века здешние земли стали принимать незваных гостей. Это вызывало негодование народа, но закон есть закон. Он не избавил Ниру от косых взглядов в свою сторону, но хотя бы защищал ее жизнь.

— Дело хозяйское, — сказал он. — Раньше, помню, ведьм не жаловали. Думал, перебили всех, а оказывается...

— Не все мы глупы. — Нира недовольно улыбнулась, пытаясь поскорее закончить разговор. — И законы другие, не забываетесь.

После неловкого общения возница не задавал лишних вопросов, только демонстративно сплевывал через плечо. В глазах дочери Нира видела поток вопросов, на которые не могла ответить, зная, что ее слова могут ранить и без того хрупкую детскую душу. Ведьма старалась отвлечь Авигею, обращая ее внимание на пыльную дорогу и зверей, но не знала, что этого хватит только на время, а потом вопросов будет становиться только больше.

Город открылся не сразу, постепенно показывая себя взору путников. Высокие дубовые ворота, покрытые темной па-

тиной, выглядели внушительно. Тонкие кованые железные пластины, закрепленные вдоль бревен, защищали дерево от ударов и влаги. Двери казались тяжелыми, будто сама история города охранялась за этими стенами, скрываясь от чужого взгляда.

Возница остановил телегу у самых ворот и протянул молча руку, ожидая пару серебряников. Нира, одной рукой придерживая вылезавшую из повозки дочь, достала из мешочка на поясе монету и протянула мужчине. Тот лишь кротко кивнул и направился в сторону таверны, что стояла при входе в город.

У высоких резных ворот стояла стража. Один из стражников проводил Ниру долгим взглядом. Его внимание привлекло красивое платье глубокого шоколадно-коричневого цвета, которое подчеркивало красивые формы девушки. Отмахнув непристойные мысли, он спросил:

— С ребенком куда?

— Праздновать, — слегка нахмурившись, холодно бросила ведьма.

За воротами взору открылись улицы мира, которого Авигея никогда не видела. Теплый воздух бил в лицо запахом свежей выпечки, заграничных специй и дымкой из очага. Каменная мостовая вела сквозь лабиринты домов к центральной площади, на которой вовсю шел праздник. Над головой, словно радуга, были развешены разноцветные флажки. Мужчины в кожаных куртках и льняных штанах гордо

шествовали по улице, а дамы в длинных платьях покупали фрукты и украшения, которые были редкостью в простые дни. В центре площади построили большой помост, с которого звучали мелодии лютней и барабанов, наполняя воздух радостью и весельем.

— По-пит! — медленно прочитала надпись на лавке Ави-гея.

Нира без промедления купила разноцветную стеклянную баночку с напитком, напоминающим по вкусу клюквенный морс, и ароматные орешки в хрустящем сахаре. Они пошли дальше, и ведьма наблюдала, как Авигея радостно жует угощения, жадно запихивая орехи за щеку.

На площади всюю толпился народ, и девочка старалась поймать взглядом все происходящее, ничего не пропустив. Нира вдруг обратила свое внимание на пятилетнего мальчика, который смотрел на них своими серыми глазами. Он устремился с открытой доверчивостью и интересом к Ави-гее, его золотисто-русые волосы развевались на ветру.

— Я тебя здесь раньше не видел, — сказал он.

— Я из леса. На опушке.

Заметив, что разговор завязался совсем неожиданно для дочери, Нира решила легонько ее подтолкнуть ближе к мальчишке.

— Мы редко бываем в городе, поэтому и не знакомы, — сказала Лоренс, и ее сердце будто остановилось, но на лице показалась теплая улыбка.

— Тетенька, можно мы поиграем?

— Можно. Только не убегайте далеко.

Девушка забрала бутылочку и выкинула пустой кулек, стараясь не показывать свое напряжение. Она наблюдала за тем, как Авигея бежит играть, и ее сердце болезненно сжалось. Целых шесть лет ведьма старалась заменить ей друзей, учителей и даже стала настоящей матерью, но только увидев, как дочь радостно водит хоровод с другими детьми, она поняла:

«Я не смогу больше скрывать от нее настоящую жизнь».

— Нира отвернулась на секунду, чтобы смахнуть непрошеную слезу.

В какой-то миг суета переменилась. Музыка смолкла, а в толпе кто-то крикнул: «Идут! Сейчас будут говорить!» Авигея поднялась на цыпочки, чтобы увидеть хоть отблески материнского лица среди плотной массы спин и голов. Резкий рывок мгновенно разорвал тонкую ниточку, связывающую ее с Нирой.

Ведьма собралась с силами, прикрывая веки, и внутри нее, вернув ясность сознания, встал образ дочери. Приоткрыв глаза, мир вокруг Ниры стал мрачным, и только облик Авигеи ярко сиял посреди всей серости, излучая слабый лунный свет. Спокойной поступью сквозь толкающуюся толпу, наступая на ноги своими бронзово-коричневыми ботильонами, девушка приблизилась к испуганному ребенку и опустила руку ей на плечо. Наклонившись, Лоренс нежно шепнула успокаивающие слова:

— Не бойся, — Авигея открыла глаза и бросила испуганный взгляд на говорящую мать. — Я всегда рядом.

Девочка уткнулась в Ниру и пыталась остановить нескончаемый поток слез. Ее тело дергалось от тонких всхлипов, оставляя мокрые следы на потрепанном платье. Нира сняла с себя жилетку и накинула на плечи Авигеи.

В это время на высокий деревянный помост взошли члены семьи Кастр. Высокий, худощавый мужчина, чья фигура привлекала внимание своей статностью, оглядывал толпу. Рядом с ним стояла изящная молодая женщина с роскошными каштановыми локонами, которые струились до талии. Ярко-голубые глаза пытались излучать радость, но взгляд мужа уничтожал надежду на расположение народа. В руках Мариам держала маленькую причину большого праздника.

— Жители города, сегодня мы собрались здесь, чтобы отпраздновать великое событие, — голос Бальтазара звучал ровно, а на лице красовалась поддельная улыбка. — Родился мой наследник! Кевин Кастр!

Успокоившаяся Авигея слушала речь графа, приоткрыв рот и стараясь не упустить ни единого слова. Любопытство узнать, что за мужчина стоит перед ней, брало верх.

— Мама, кто это? Тот самый Ба... Баль...

— Граф Кастр Бальтазар, — коротко ответила Нира. — Главный человек в этих землях.

Закончив свою речь, Бальтазар собирался уйти, но привычно скользящий взгляд вдруг замер. Среди собравших-

ся он заметил знакомую фигуру. Мужчина неспешно направился в сторону лестницы, внимательно разглядывая Ниру и ее ребенка. В груди ведьмы что-то дрогнуло. Ее переполняло чувство, словно из глубин памяти всплыли давно забытые воспоминания. Лоренс бросила настороженный взгляд на Бальтазара, и тот отвернулся, не показав своего волнения.

Авигея долго смотрела на пустой помост, словно погруженная в свои мысли, пока Нира слушала перешептывания поблизости:

— Помнишь, она ведь не первая жена...

— Тише ты.

— Мавру схоронили одну. Гроб-то маленький был, пустой...

— А ребенок-то, возможно, жив.

Нира спокойно повернулась к голосам, из уст которых доносились слова, и с легкой улыбкой сказала:

— О покойниках не судачат.

Кумушки, возмущенные замечанием ведьмы, мгновенно замолчали и попятились назад.

— Мам, а кто такая Мавра? — спросила Авигея.

— Ничего особенного. Просто несчастная женщина.

Праздник стал угасать к вечеру. Казалось, что даже солнце садилось медленнее, словно тоже решило отдохнуть после веселых гуляний. Музыка затихала, оставляя эхо в узких дворах. На площади стало прохладнее, а запахи праздника развеялись по ветру.

Обратная дорога была тихой и спокойной. Неожиданно для девушек перед ними показалась знакомая повозка, набитая все тем же, но уже менее душистым сеном.

— Садитесь, — буркнул уставший возница.

Нира, изнуренная от столь насыщенного дня, не стала отказываться. Когда они тронулись, Авигея быстро уснула у нее на коленях, и возница заговорил вполголоса:

— Чья она? Девчонка эта. Не твоя ведь? Слышал я, что ведьмы сирот подбирают.

Нира посмотрела на него устало, из-за чего старалась не развивать диалог, отвечая кратко и по делу:

— Моя.

— А отец?

— Нет отца.

Возница промолчал, резко осадил коней и повернулся. Нира заметила в его глазах едва различимые следы слез.

— Я тебя узнал. Ты ж та самая, что сына моего выходила. Лихорадка у него была, никто не брался. А ты пришла. Три дня сидела. Денег не взяла.

Нира промолчала, пытаясь найти в своих воспоминаниях зацепку.

— Сын выжил, — сказал старик. — Спасибо тебе.

— Не надо, — тихо ответила Нира. — Я делала то, что должна.

— Ты, это... будь осторожней. В городе язык без костей.

— Я знаю.

Вернувшись домой далеко за полночь, Авигея сохраняла молчание, словно уйдя глубоко в себя. Нира знала, что такое состояние для нее куда ближе и привычнее, нежели всплески веселья и радости. Однако сегодня день был настолько насыщенным, что у дочери не было сил делиться своими переживаниями.

Едва переступив порог, девочка торопливо сбросила обувь и тяжело опустилась на кровать. Прижав любимого деревянного волка к груди, Авигея свернулась калачиком и в мгновение уснула. Заметив это, Нира подошла к кровати и нежно накрыла Авигею своим шерстяным пледом. Оторвав взгляд от лица спящей Авигеи, она выглянула в распахнутое окно и заметила Серебряного гончего со своей стаей. Эти существа уже давно перестали ее тревожить, напротив, подобно мягкому объятию, они давали иллюзию защиты.

Будто сама луна стоит на страже их сна.

Глава 3

Утро наступило удивительно ясное и звонкое, словно природа так и хотела показать всю осеннюю красоту. Воздух был настолько прозрачен, что казался хрустально-холодным и свежим. Украшенная яркими красками осени листва перешептывалась с ветром.

Осторожно ступив босыми ногами на деревянное крыльцо, Нира сладко потянулась и подняла взгляд вверх. Лучики струились по ее лицу, одаривая последним теплом уходящего лета. Легкий ветерок слегка касался кожи, перебирая тонкие пряди медных волос.

— Хороший день, — ведьма зевнула. — Для травы самый раз!

Услышав эти слова, Авигея вмиг оживилась. Напевая песню, которую слышала на празднике несколько месяцев назад, девочка торопливо начала собираться. Она быстро надела плотные штаны и кофточку с длинными рукавами. Накинув поверх меховую жилетку, которую Нира сшила для нее прошлой зимой, Авигея подбежала к маленькому зеркальцу на стене. Девочка, которая смотрела на нее из запотевшего стекла, была похожа на старинную фарфоровую куклу из старых сказок. Глаза смотрели из-под длинных черных ресниц с легким вызовом, будто спрашивали: «Ну и что?»

— Я прекрасна! — сказала дочь, будто само отражение

прошептало ей эти слова.

— Можно подумать, ты во дворец собралась, а не в лес, — стоящая в дверях Нира скрестила руки на груди и оперлась на дверной косяк.

— Лес лучше дворца, — она улыбнулась своему отражению.

Мать подошла ближе и аккуратно собрала волосы в хвост, закрепив кожаным шнурком. Девушка заметила, что чего-то не хватает:

— Заколку забыла.

— Ты же сама сказала: в глухом лесу можно и так. Вдруг потеряю.

Немного подумав, Нира махнула в сторону двери.

— Ладно. Пошли.

Схватив корзинку и пройдя через просторный двор, девушки направились в сторону леса. Трава, пожелтевшая и высохшая после летнего зноя, уже едва доходила до щиколоток. В воздухе приятно пахло сыростью и древесиной.

Лес Старого Дуба, еще в народе известный как Ведьмина Чаща, примыкал прямо к окраине Линдена. Древние дубы, а точнее их корни, были той еще преградой для незваных гостей. Заросли ежевики впивались в ткань одежды своими острыми шипами. Густая крона ясеня не просто дает тень, а скрывает то, что не должно быть видно для людского глаза. Лес был не просто домом для ведьмы, а настоящей крепостью.

Протопанная годами дорожка извивалась меж стволов, порой словно исчезая под корневищами. Девушки шли еще с полчаса, пока перед ними не предстал берег старого ручья. Чистая вода, тихо журча, бежала по камням, а травяной иней уже давно растаял. Однако воздух, пропитанный запахом поздних цветов, был влажным и холодным.

Нира опустила руку на корточки и провела рукой по траве у самого берега.

— Вот, — сказала она, показывая на невзрачные серовато-зеленые листья. — Лихорадочная. Смотри на корень — он фиолетовый. Не перепутай с обычной полынью.

В детстве ведьма принимала эту траву за колокольчики. Соцветие лихорадочной травы состояло из маленьких цветков, собранных на самой верхушке стебля, и имело слегка серебристый отблеск. Узкие продолговатые стебли плавно переходили от светло-зеленого до нежно-золотистого оттенка ближе к концам. Главной особенностью являлись мощные фиолетовые корни, уходящие глубоко в землю.

Авигея иногда косилась на лес, внимательно всматриваясь в даль и пытаясь разглядеть серые тени, которых она ждала каждый день.

— Мама, — сказала она, выдергивая очередной корень. — А почему волки сегодня не пришли?

Нира лишь слегка пожала плечами, погрузившись в собственные мысли. Ее пальцы бережно касались лихорадочной травы, что оставляла на коже следы золотистой пылицы, по-

добной зимнему снежному порошку. Пыльца пробуждала в памяти ведьмы забытые воспоминания.

Та зима, когда Авигее было четыре года, казалась суровой и голодной. Снег выпал раньше срока и не таял, стирая тропинки толстым слоем белизны. Нира берегла запасы, готовя для дочери питательные супы, в то время как сама питалась жидкой кашей на воде.

В одну из ночей силуэты волков мелькали среди деревьев, бесшумно скрываясь в темноте, но под утро крупные фигуры вернулись с добычей. Серебряный гончий держал в своей пасти трех серых зайцев, а волк, который был поменьше, принес небольшой Снежный корень, который рос исключительно в сосновом лесу, прячась среди камней. Невысокий кустик, покрытый тонким слоем инея, становился спасением в самую лютую пору.

Нира тихонько ступала босыми ногами на холодный наст, поднимая с земли зайцев и корешок. Без единого слова она кивнула в знак благодарности, не ожидая дальнейшей помощи.

С того момента волки помогали им почти всю зиму, периодически принося то тетерева, то дикого кабаненка. Но это не продлилось долго, ведь волки, будучи вольными зверьми, ничем себя не обязывали перед людьми. К следующей зиме Нира подготовилась основательно, а волки почти не приходили к их двору.

Ведьма с теплом на душе вспоминала ту холодную пору,

но не надеялась ни на кого, кроме себя.

Посмотрев в глубину леса, Нира заметила странный блеск, будто солнечный зайчик игрался на ее лице. Лес вокруг замолчал непривычной тишиной. Даже дятел, который обычно стучал где-то поблизости, сегодня затих.

— Что-то не так.

— Волки? — не успела радостно спросить Авигея, как заметила напряженный взгляд матери.

— Не только. Слишком тихо.

Нира положила руку на плечо дочери, привлекая ее ближе. Ее тусклые глаза напряженно вглядывались в чащу. Сердце девушки забилось быстрее, когда она услышала вдали громкий разговор людей.

Рука матери плотно закрыла рот Авигеи. Ведьма старалась тихо отойти к большому валуну, поросшему мхом, но сухая листва под ногами выдавала каждый их шаг. Прижавшись спиной к холодному камню и услышав, как незнакомые шаги неумовимо приближались, Нира притянула к себе девочку и замерла.

— Хорошо здесь, — пробубнил густой и глубокий голос. — Единственное место в Астерии, где можно собирать грибы да ягоды, не спрашивая разрешения этих... семей.

— Тише ты. Найдутся уши длинные.

— Да кто здесь услышит? Ведьма здешняя? Так она солидарна будет...

Сердце девушки сжималось, словно стальная ловушка, за-

хлопнувшаяся вокруг нее. Авигея ощущала каждый вдох матери и бешено бьющееся сердце.

— Простолюдины мы, право слово, — пробормотал первый с досадой. — Мы им землю пашем, а они... Ну да ладно. Собери вот эти, с коричневыми шляпками.

Страх проник в душу Ниры, словно неожиданный гость, долго ползающий по коже липкими лапками. В какой-то миг один из мужчин замер, взмахнув рукой в сторону валуна.

— Слышь, — сказал он. — А ведь правда, здесь кто-то есть.

— Глупости.

— Нет, клянусь богом воздаяния. За валуном.

Рука, лежащая на плече дочери, стала тяжелее и крепче, удерживая девочку. Под ногами незнакомцев зашуршали листья. Нира слышала, как медленно и с опаской приближаются чужие шаги.

И в этот момент лес изменился. Напряжение будто прорвало пустоту тишины, сделав воздух плотнее, словно натянутая тетива. Нира почувствовала чье-то присутствие, но на этот раз родное.

Тихой тенью появился Серебряный гончий и верные ему волки. Остановившись посреди поляны, без звуков и угроз, они внимательно наблюдали за людьми.

Мужчина уже почти обогнул валун, но остановился как вкопанный, пытаясь что-то произнести сдавленным от страха голосом:

— Волки...

— Какие волки? — из-за кустарника выглянул напарник.

— Здесь не водились...

— Водились, не водились — а они стоят. Ты глянь на вожака...

Гончий, мягко и без угрозы, медленно сделал шаг, будто следил за реакцией людей.

— Уходим. Быстро.

— А грибы?

— К черту грибы!

Покатившись по траве, выпавшая корзина щедро рассыпала шляпки подосиновиков и золотых лисичек. Голоса поспешно отступали назад, постепенно растворяясь среди шелеста листьев. Не желая пуститься в погоню, волки лишь смотрели вслед, будто убеждаясь в безопасности девушек.

Авигея, выглядывая из-за валуна, заметила на дне брошенной корзины маленькую деревянную лошадку. В глазах нелепо выструганной детской игрушки девочка будто читала принятие своего приговора — вечное одиночество. Сердце Авигеи резко сжалось. Это была не жалость, а что-то более сложное, будто знакомое и вместе с тем совершенно чуждое. Она в тот же миг хотела шепнуть матери и попытаться вернуть детское воспоминание, но Нира крепко взяла девочку за руку, быстрым шагом увлекая прочь.

Старый гончий остановил внимательный взгляд на спинах девушек. Наконец убедившись, что они целы и в безопасно-

сти, волк и его подчиненные неспешно зашагали в густоту лесной чащи.

Каждый звук, таящийся среди леса, казался Нире опасностью, отчего ее сердце отбивало тревожную мелодию барабанов войны. Подобно огненному смерчу, страх настигал мгновенно, парализуя душу и обжигая легкие. Лишь когда вдаль стал виднеться родной дом, голос дочери прорвался сквозь туман паники.

— Они не тронули нас, — голос ее шелестел. — Даже рычать не стали.

— Авигея, не будь такой наивной, — голос ведьмы был словно ветер, принесший вести о приближающейся зиме. — Никому нельзя доверять слепо. За добро приходится платить цену дороже, чем стоит сама помощь.

— А ты часто платила?

Птицей, спрятавшейся среди густых крон, Нира ушла далеко в свои мысли, будто зная ответ и одновременно не желая в него вникать.

Мать и дочь ступили в полумрак дома. Пока Авигея переодевалась, девушка тихо разбирала травы, связывая пучки, и вспоминала, как не придавала значения желанию ребенка. Сердце Ниры стало наполняться тихим звуком, от которого глухо отзывалось ее внутреннее эхо. Погрузившись с головой в аромат высушенных трав и хруст ломающихся веточек, она не заметила, как Авигея поела и уснула.

«Видимо, она не хотела меня отвлекать. Какая же она

взрослая...»

Убедившись, что дочь спит, Нира стала легкой тенью и скользнула из дома. Выйдя на крыльцо и вдохнув полной грудью вечерний воздух, девушка погрузилась в объятия ветра, словно сделав себя его частью, подобно лепесткам цветка. Прикрыв веки, она едва заметно прошептала неразличимые слова: «Помоги мне, отец».

Едва Нира открыла глаза, весь мир вокруг потускнел, и посреди всей этой пустоты открылся путь к знакомому образу. Его старая морщинистая кора пробуждала легкость, а скрипучие шаги, словно нежная мелодия леса, дарили душе покой. Могучий Лешак возвышался над всем живущим в Ведьминой чаще. Тело его сгибалось под тяжестью долгих лет и густых корявых зарослей.

Нира подняла голову и заметила, что в глубине впадин можно различить до боли знакомый взгляд. Без единого слова старик принял ее боль и отчаяние. Протянув узловатые пальцы, похожие на обломанные ветви деревьев, он пригласил Ниру следовать за собой туда, куда тянула ее душа. Нежно коснувшись ветки, растущей из пальца Лешака, они пошли обратно туда, где ранее встретились чужаки. По дороге девушка вспоминала, как однажды заблудилась в гуще незнакомого ей леса. Именно тогда этот странный путеводитель нашел Ниру в одиночестве и бережно нес к такому же забытому сердцу, которое она стала называть мамой.

Дойдя до ручья, за которым открывался светлый просвет

поляны, ведьма нашла взглядом потерянную корзинку. Внимательно осматривая маленькую игрушечную лошадку, она аккуратно сжала ладонь. Словно плача над судьбой Ниры, в мгновение начался дождь. Лешак поднял Лоренс на руки, пряча под своей корявой огненной гривой от холодной влаги.

Ведьма почувствовала теплоту своего детства. Величавые ноги Лешака ступали по сырой земле, а звуки редкого дыхания смешивались с шелестом, создавая мелодию природы.

По возвращении домой Лешак аккуратно опустил свою девочку на землю. Нира подарила отцу полную благодарности и любви улыбку. Медленно моргнув, мир вокруг девушки засиял красками жизни, а родной образ растворился в тени леса.

— Спокойной спячки, отец, — произнесла ласково ведьма, обращаясь в пустоту.

Постояв еще немного под дождем и насладившись последним мгновением встречи, Нира вошла в дом. Она бережно вытерла игрушку и уложила рядом с Авигеей, возле деревянного волчонка. Нежно коснувшись губами щеки девочки, ведьма прошептала, словно себе:

— Я тоже наивная, моя звездочка...

Глава 4

Заявив о своем приходе, осень принесла придавленное невидимой тяжестью небо. Ветер стал сильным и резким, заставляя ветки клониться и сбрасывать оставшиеся сухие листочки. Величавый старый дуб все так же стоял непреклонно, лишь слегка покачивая ветками. Земля давно замерла и огрубела. Лес погрузился в унылое спокойствие, и лишь осторожная поступь животных, ищущих место для ночлега, прерывала тишину.

Нира сидела на крыльце старого дома, словно верная птица, охраняющая гнездо. В ее руках была истертая временем корзина, которую она тщательно очищала от земли. Ее любимое заношенное до дыр шоколадное платье облегало фигуру, но уже не так, как раньше.

Авигея сидела рядом и аккуратно разрисовывала лошадку, заодно возвращая волку живой цвет. Каждый вечер девочка рассказывала, как хочет вернуть эту игрушку ее владельцу, на что Нира тихонечко поддакивала.

Сквозь густые заросли орешника раздался шум копыт, вторгнувшись в тишину леса тревожным шумом. Подняв голову, Нира напряженно впилась взглядом в зеленую ограду. Ее голос стал еле слышным, будто кто-то медленно затягивал петлю вокруг сердца.

— Авигея, быстро в чулан. Сиди тихо, как мышка. Пока

я не позову — не выходи.

Без единого звука девочка побежала в сторону дома. Но на пороге судьба сыграла злую шутку. Драгоценная игрушка волка выскользнула из рук, упав на крыльцо. Откинув ее подалее в кусты, Нира услышала, как хлопнула дверца чулана. Она знала, что без своей любимой игрушки дочь может погрузиться в тяжелую тьму с головой и сильно испугаться, но делать что-либо уже было поздно.

Среди ветвей стал отчетливо виден знакомый облик, которого девушка не видела почти семь лет, а рядом — вторая лошадь в поводу,

Герберт, бывший стражник, охранявший покой Линдена, ныне был правой рукой Бальтазара. Время порой сводило их в городе: Нира давала ему отвары от простуды, а он взамен бросал монету или рассказывал городские сплетни, которые она любила больше всего. Это была не дружба, а скорее протоптанная с годами тропинка, которая вела туда, где было привычно. Но однажды, будто сам бог политики прошептал Герберту сладкое слово: «покажи себя». Движимый холодным желанием стать кем-то более значимым, он согласился организовать убийство Мавры. Зная, как ведьме нужны деньги, он пришел к ней на порог, молча вручив письмо и опечатанное золото.словно две реки, разделенные грядой сомнений и страха, их пути разошлись. Даже когда старые знакомые встречались взглядом в городе, их объединяла тихая тайна, лишавшая дара речи.

Спустя годы его лицо стало походить на гранитную глыбу, а в русых волосах появилась мелкая проседь. Только строгость к своему внешнему виду осталась все та же. Его белоснежная рубаша с пышными манжетами у запястий и стоячий воротник, несмотря на долгую дорогу, выглядели безупречно. Черная бархатная жилетка подчеркивала стройную фигуру мужчины. Кинжал, висевший в ножнах на толстом ремне, напоминал, что путь его выстлан не одними словами.

Отдернув плащ, Герберт спустился с лошади и уверенным шагом подошел к девушке, сидевшей на ступеньках крыльца.

— Ну здравствуй, Нира Лоренс... Давно не виделись.

— Давно, Герберт Одон, — ведьма делала вид, что не обращает на него внимания, демонстративно рассматривая корзинку. — Так же давно я не слышала свою фамилию. Ну и совпадение. Давай ближе к делу. Ты же приехал не потому, что соскучился, верно?

— Граф требует тебя в поместье, — мужчина нервно поправил перстень с гербом семьи Кастр.

— Пусть требует, мне-то что?

— Нира, прошу, не стоит снова упрямиться. Ты же знаешь, он не любит терпеть чьи-то выходки.

— С чего вдруг графу нужна обычная ведьма? Или нынче ведьм снова сжигают? А может, он придумал более интересный способ, чем его отец?

— Будь осторожней со словами, Лоренс! — мужчина повысил тон, но его лицо оставалось неизменным.

— А то что?!

Словно раскаленный факел, Нира вскочила и сделала решительный шаг к Герберту. Злость, подобно лесному пожару, раздирала ведьму изнутри. Сама природа замерла, не решаясь прервать напряженную тишину. Обратив внимание на седину и мелкую щетину мужчины, огонь в душе погас. Его серые уставшие глаза напомнили, что одно неверно сказанное слово может лишить ее жизни.

Скрестив руки на груди, Нира решила прервать тишину:

— Мне нужно зайти в дом и переодеться, — девушка развернулась в сторону входной двери.

— Ты ничего не потеряла? — Герберт обратил внимание на лежащую в кустах игрушку. — Дождь собирается. Унеси, а то смочет.

Ведьма, ничего не ответив, бросила тяжелый взгляд в сторону потеряшки. Подойдя к пышным кустам брусники, она резко схватила волка и, оставляя за собой едва заметные следы, стремительно вернулась домой.

Захлопнув дверь, Нира постучала костлявыми пальцами по входу в кладовку, откуда поднялся печальный взгляд Авигеи. Ведьма прижала дочь на миг к себе.

Лоренс не раз замечала за девочкой, что та почти не ощущает холод даже в лютую стужу. Она, напротив, чувствовала себя очень комфортно. Только когда на душе становилось страшно, а сердце уходило в пятки, тело Авигеи пробирал

озноб. И сегодня не исключение.

— Не выходи из дома, пока я не вернусь. Хорошо?

— Ты надолго?

— Не знаю. Дела в городе. А пока, — ведьма протянула деревянного волчонка, — у тебя есть незаконченное дело. И главное — не бойся. Не первый раз же. Если станет холодно, как обычно, выпей отвар из ромашки.

Авигея кивнула, не проронив ни звука. Она села за стол и приготовилась завершить начатое дело. Нира быстро переделась, накинув на себя единственную белоснежную блузу с просторными рукавами, расшитыми тонким нежно-голубым кружевом. Ее любимая темно-зеленая юбка, подчеркивающая красоту ее глаз, спускалась каскадом вдоль стройных ног. Под длинной тканью скрывались холщевые штаны, защищая от холода приближающейся зимы. Легкий плащ накрывал плечи Лоренс, укрывая от осеннего ветра, а высокие сапоги плотно охватили лодыжки.

Обернувшись к дочери, Нира подарила теплую улыбку. Девушка собиралась выходить, как услышала скучающий свист за дверью. Терпеливо ожидающий Герберт, заметив, что ведьма вышла из дома, сказал:

— Поехали. Надеюсь, ты не забыла, как сидеть верхом?

— Твои уроки забудешь. Удивлена, как ты сам до сих пор на лошади едешь.

Они выехали со двора. Нира не обернулась.

Дорога от леса Старого Дуба до поместья Грейвуд шла

сквозь бледную осеннюю глушь, переходящую в перелески. По пути они встречали редкие луга, похожие на засыпающий перед долгой зимой пейзаж. Травинки склонялись низко над землей, теряя остатки зеленого оттенка и устало принимая холодный ветер.

«Главное — не сказать ничего лишнего, — размышляла Нира, смотря на нависающее тяжелым покрывалом небо. — Авигея — мертва. На него работать больше не буду. Живу и никого не трогаю. Черт! — с каждой мыслью она сжимала поводья все крепче. — Ненавижу эту дипломатию. Пусть Бальтазара поглотит тьма и лучше, чтобы это случилось до моего приезда».

Когда дом остался позади и скрылся в тумане, Герберт тихо начал:

— Она жива?

— О ком ты? — Нира пыталась не показывать свой испуганный взгляд.

— Не буду лукавить, я уже ехал с мыслью, что ты скрываешь дочь графа. Игрушка в кустах слегка подтвердила догадки, а когда ты выходила из дома, я краем глаза заметил девочку. — Мужчина выпрямился и довольно приподнял голову. — Так что не стоит...

— Это моя дочь. Не Бальтазара. Моя, — перебила девушка, вцепившись в поводья еще крепче, оставляя на руке раны от ногтей.

— Я не скажу графу, — Герберт наконец посмотрел на

нее и улыбнулся уголком губ. — Можешь не доверять, основания есть, но я не вижу смысла в смерти ребенка.

— Почему?

— Потому что я видел, что Кастры делают с людьми, — голос мужчины стал жестче. — С теми, кто им мешает или не угодил. Я помню Мавру и рассказ о том, как она умирала. Лиходеи хорошо описали.

Нира долго смотрела на него. Потом отвела взгляд.

— Возможно, спустя годы я забыла кое-что. Напомни-ка, кто вызвался организовать это все, Герберт?

— Я тоже взрослою, Лоренс... — его голос эхом отражался от стволов деревьев. — И у меня были причины так сделать.

— Какие могут быть причины убить ни в чем не повинного человека? — девушка остановила лошадь. — И прекрати меня называть по фамилии!

— Ты сама прекрасно знаешь, Нира, что не вся трава лечит, а самый беззащитный может держать нож за пазухой!

Птицы разлетелись от громких голосов. В мгновение между ними снова образовалась чуждая тишина, будто от хороших знакомых не осталось ничего. Постояв некоторое время, они продолжили свой путь уже молча, только ветер свистел в ушах да копыта чавкали по грязи. Нира заметила взгляд Герберта на себе. В его глазах было нечто утраченное навсегда.

На горизонте показалось поместье Бальтазара, во дворе

которого все так же царила мертвая тишина, пропавшая вместе с Маврой. Глиняная дорога сменялась каменной мостовой, которая вела к столбам, увенчанным гербами. Привратники медленно открыли массивные железные ворота, и ведьма обратила внимание на живую изгородь из кустарников и деревьев, которую она раньше не видела. Вдоль дороги на высоких столбах красовались масляные фонари.

«Слишком душно от этого искусственного пафоса» — ворчливые мысли шли одна за одной.

Остановившись у фонтана напротив входа в поместье, Герберт спешил и помог Нире слезть с лошади.

— Граф ждет в малом кабинете, — мужчина достал карманные часы. — Мы опаздываем.

— Мы? — руки Лоренс легли на бока. — Камергер, может, это вы уже не справляетесь со своими обязанностями?

— Не начинай... Все любезности потом.

Нира закатила глаза и опустила руки, проследовав за Гербертом в мрачные глубины поместья. Путь лежал через просторный вестибюль, украшенный семейными реликвиями и старыми портретами, чей неодобрительный взор словно укорял за дерзость. Коридоры пропахли старым воском и тусклым лаком, а глухой шум шагов по строгому ковру бил в висок. Нира ощущала себя заточенной среди стен прошлого. На мгновение она представила себя на месте Мавры. Страх сдавил сердце каменными пальцами, но девушка отбросила эти образы обратно в глубины памяти.

Герберт тихо постучал и, не дожидаясь ответа, открыл тяжелую дверь кабинета.

— Госпожа Лоренс прибыла.

— Оставь нас, — из кабинета глухим эхом прозвучал голос Бальтазара.

Мужчина бросил на Ниру короткий взгляд, в котором читалось: «Справишься?» Едва заметно кивнув, ведьма уже давно приняла всю ответственность на себя. Зайдя в кабинет, девушка слышала, как за ее спиной медленно закрывается дверь. Перед ее взором встал камин, который горел, но давал больше дыма, чем тепла.

Хозяин кабинета, одетый в повседневный черный сюртук, сидел за столом. Его волосы еще не тронула седина на висках, а лицо казалось вырезанным из старого, твердого дерева. Нира видела, что под маской власти скрывается глубокая усталость, что можно было понять по морщинам на лбу и синякам под глазами.

— Садитесь, — Бальтазар, указав подбородком на кресло, стоящее напротив него, даже не поднял глаза от бумаг.

Присев на предложенное место, Нира выглядела послушной, однако огонь внутри пылал так ярко, что был готов проявить себя открыто.

— Видел вас недавно в Линдене. Как вам праздник? — продолжил граф, лениво наполняя бокал дорогим вином.

— Как всегда — выше всяких похвал, ваша светлость, — ведьма слегка склонила голову.

Бальтазар нервно дернулся, пролив немного вина на полированный стол, но не показал своего раздражения. Уверенно поднявшись, он шагнул к Нире и властно, словно требуя подчинения, протянул ей бокал с вином. Она послушно приняла напиток, но не пригубила, сжимая сосуд мертвой хваткой.

— Вижу, у вас сегодня хороший настрой. Не хотите услышать занимательную историю?

Пустившись в красноречие, граф Кастр поведал, как недавно посещал семью Нельф и узнал интересную новость. Местные рабочие во время сбора грибов заметили величественного волка, чья шерсть была словно покрыта серебром. Подталкиваемые любопытством либо скрытым страхом, мужчины судачили об этом везде.

— Может, слышали о таких волках, госпожа Лоренс? — Бальтазар наблюдал за реакцией девушки.

— Волки как волки, ваша светлость, — Нира равнодушно пожала плечами.

Между ними будто натягивалась тетива, которая вот-вот лопнет. Граф словно резал ее изнутри, медленно выводя из себя.

— Как вы можете не знать? Вы же всемогущая целительница Нира Лоренс, — саркастично начал мужчина. — Я помню ваших родных родителей. Боюсь, они были бы очень разочарованы, что их дочь врет прямо закону в глаза.

— То, что происходит в моей чаше, вас не касается. — Нира, не обращая внимания на колкие фразы в сторону быв-

ших родителей, встала со стула, и ее голос стал громче.

— Это мои земли. — Бальтазар повысил тон, но не до крика. — Все земли находятся под присмотром семей, так что я имею право знать, что у вас происходит. Я могу проверить лично...

— Тем хуже для вас.

— Я поверил вам, что моя дочь умрет, и это была ошибка.

Граф наклонился к Нире, и между ними почти не было расстояния. Было слышно только громкое дыхание взаимного пренебрежения.

— Не забывайте главного — убить вас проще простого. Есть вещи ценнее вашей жизни. К примеру, Влас будет не очень рад, если слухи о ваших шалостях с этим стариком выйдут в народ. Тогда мне не придется даже руки марать.

Резко поднявшись с кресла, девушка отстранила стоявшего перед собой мужчину и вытащила из-за пазухи сложенный вчетверо лист и до сих пор запечатанный мешочек. Глаза загорелись злостью, а натянутая тетива между ними лопнула.

— А это, по-вашему, что? Письмо, в котором вы приказываете разбойникам убить вашу жену и похитить ребенка, разве не доказательство вашего участия в этом спектакле? — ее голос становился более нервным. — Я не потратила ни одной кровавой монеты, что вы заплатили!

— Вы думаете, эти доказательства стоят дороже вашей жизни?

— Думаю, — Нира положила руку на письмо, — что им-

ператору будет интересно узнать, как его приближенный избавляется от жен. И народ удивится, что граф собственными руками убил свою наследницу.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я не буду с вами спорить, но с сегодняшнего дня, раз в полгода, Герберт будет приезжать к вам и писать мне отчеты.

Нира кивнула и, не желая продолжать диалог, забрала компромат. Она направилась к двери и, взявшись за ручку, услышала за спиной:

— Если она жива, — голос Бальтазара был тихим, почти беззвучным, — я обещаю, вас поглотит вечная тьма, а ваша душа канет в бездне. Вам никто не сможет помочь.

Взгляд Ниры встретился с холодными глазами графа:

— Как с Маврой, ваша светлость?

Без дальнейших церемоний девушка распахнула дверь и растворилась в коридоре, оставив в кабинете тяжесть сомнений и воспоминаний. В сужающемся дверном проеме Лоренс заметила, как Бальтазар впился в столешницу с такой силой, что его костяшки побелели.

Во мраке коридора дремал Герберт, прислонившись к холодной стене. Едва уловимый скрип вырвал его из полусна. Мужчина сделал вид, что не смыкал глаз, и непоколебимо стоял у входа в кабинет.

— Жива?

— Как видишь, — Нира поправила воротник на его шее.

— Уважаемый камергер, вы совсем не спите?

— Просто устал, — Герберт слегка улыбнулся, и его лицо стало мягче. — Тебе не все равно?

— Не надейся. Спросила из приличия, — девушка сделала шаг во тьму коридора. — Ты проводишь меня обратно или я своим ходом?

— Конечно провожу. Мне есть что с тобой обсудить.

Обратная дорога казалась бесконечной, будто что-то тянуло Ниру назад. Солнце так и не выглядывало из густых облаков, медленно опускаясь за горизонт. Воздух насыщался влагой от моросившего дождя.

Герберт негромко нарушил тишину, когда вдали замаячила Ведьмина чаша:

— Нира, я приеду через полгода, как и велено. Выдумывать ничего не стану. Скажу, что видел ведьму, дом, лес... Ничего большего.

— Зачем ты служишь ему? — спросила Нира, будто не слыша. — Ты же не хуже других.

— Кто меня возьмет? — усмехнулся Герберт. — Герой из меня никакой. Я просто тот, кто пытается не стать хуже, чем я есть.

— Почему тогда помогаешь мне? Ты рискуешь положением и жизнью.

— Ты забыла, сколько раз меня спасала? Если бы не ты, меня бы здесь не было.

— Я многих спасаю, — напомнила ведьма, отведя взгляд.

— Но даже тот, кто вытаскивает других из тьмы, нужда-

ется в лучике света.

Лошади медленно переступали по мокрой тропинке, ведущей к дому.

«Спорить с Гербертом — это последнее, чего я бы хотела», — думала девушка.

Нира слезла с лошади, не глядя на Герберта.

— Знаешь, я столько лет справлялась сама, что твоя помощь мне уже давно не нужна.

— Я не могу представить, что ты пережила, и это только моя вина, — мужчина подцепил вторую лошадь за поводья и развернулся. — Но у каждого человека есть шанс исправить свои ошибки. Даже если уже поздно.

Нира стояла на крыльце, глядя вслед уезжающему всаднику, пока его силуэт не растворился в темноте. Глубоко вдохнув, ведьма открыла скрипящую дверь и посмотрела на Авигею. Она сидела на кровати сонная, обхватив колени руками и клюя носом.

— Я вернулась, — сказала Нира. — Все хорошо.

Авигея, словно солнечный лучик, радостно прыгнула в материнские объятия, обвивая ее шею тонкими ручками. Кинув взгляд на подоконник, девушка осмотрела раскрашенные игрушки, покрытые яркими красками. Они смотрели в окно, провожая последний закат осени. Каждый мазок кисти дочери словно даровал жизнь и дыхание маленькой лошадке, давно мечтавшей оставить одиночество и обрести свой уютный уголок.

Глава 5

Мягкая пелена мороза окутала землю своей серебряной сетью, а слой первого снега лег тонкой пеленой на увядшую траву. Зима начала сменять осень, словно вступивший на трон монарх.

Это прекрасное время для сбора цветка, растущего исключительно в Ведьминой чаще. Говорят, что Вдовий иней вырос из слез ждущей женщины, муж которой погиб на войне. Она плакала всю ночь, пока наутро не расцвели белые холодные цветы.

Вдовий иней красиво сочетается с еловыми ветками благодаря своим длинным и заостренным к концам лепесткам. Черная сердцевина с мелкими тычинками покрыта инеевыми иглами, а слабый аромат, похожий на запах снега и замерзшей земли, вызывает легкое головокружение. Белый бутон на хрупком стебле по сей день вплетают в венки погибших зимой, но его цена и редкость позволяли красоваться лишь на могилах знати.

Нира торговала Вдовым инеем каждый год, и этот не был исключением. Ее дорожный узелок был простым и вместительным — именно там лежал редчайший цветок, цена которого составляла два золотых за бутон. Материальное положение Ниры оставляло желать лучшего, поэтому продажа пяти штук была необходимой, чтобы прожить пару месяцев

без нужды. Единственная надежда найти покупателя была в центре торгового города Весперов, путь до которого был неблизок.

На помощь пришли волки Лунного гончего, словно почуяв безнадежность ведьмы.

— Держись крепче! — Нира пыталась перекричать ветер.
— И заколку держи!

Лес стремительно мелькал черными стволами, а ветки больно хлестали по плечам. Авигея крепко вцепилась одной рукой в плотную серебряную шерсть, другой сжимая заколку. Ведьма старалась внимательно следить за дорогой, хотя понимала: какой путь выбрать — решает вовсе не она. Миновав хутора и покрытые тонким снежным одеялом поля, волки сбавили шаг и поднялись на высокий холм. Внизу открывался величественный вид на город Тенебрис, который оставался последней надеждой для Ниры.

Бог воздаяния — единственный, кто долго размышлял о достойном кандидате, сделав выбор в сторону самой молчаливой и тихой семьи. Весперы не строят дворцы и не ведут политических игр. На совете они ведут себя спокойно и сдержанно. Их дело — провожать мертвых и хранить тех, кому еще не пришел срок. Ходят слухи, они общаются с богом воздаяния напрямую и нутром чувствуют приближение смерти. Вдали можно увидеть чистые кладбища с одинаковыми памятниками. Они стали пристанищем. Теплым убежищем для тех, кому уже нечего терять.

В Тенебрисе идет спокойная и умеренная жизнь. Капъ — место для успокоения земных душ — каждый день видит слезы, радость, страх и безмятежность. Только граф Тесс давно забыл, что служба — это не обязательство перед богом. Служба — это помощь своему сознанию обрести ясность и покой.

Девушки слезли с волков и не успели оглянуться, как от них не осталось и следов. Ведьма присела на корточки и открыла сумку.

— Смотри, целые, — она достала самый большой бутон. — У нас всего десять таких. Если мы сможем продать все, то сегодня нас ждет вкусный ужин.

— Мне тебе помочь? — глаза Авигеи заблестели, словно снег на свету.

— Не стоит. Сегодня просто наслаждайся прогулкой. Ты все-таки впервые в Тенебрисе, — Нира медленно встала и убрала цветок в сумку.

Дома города были каменными и тесными. Мрачные узкие улочки жили своей жизнью, а если потеряешься, то даже свет луны не поможет найти выход из темного лабиринта дворов. Маленькие окна смотрели друг на друга с недоверием, а крыши переплетались мостиками из старых досок.

Вдоль реки Мглица протянулась длинная, вымощенная темным камнем набережная. Вода на берегу казалась почти маслянистой — ни луна, ни звезды не находили в ней своего отражения. Лишь редкие огни со стороны города дрожали

в речной глади. Ступени домов, складов и магазинов, выходящие на набережную, были покрыты мягким мхом, дарующим надежду на спокойный путь в иной мир. Небо над городом затянуло облаками. Снежинки, словно пух тополя, медленно опускались на землю и быстро таяли.

Нира уверенно открыла знакомую дверь, словно преодолевая невидимую границу между мирами живых и мертвых. Надпись на старой табличке «Венки для вас и ваших родных» словно была игрой многозначительных смыслов. Каждый раз, читая эту фразу, девушка ловила легкий приступ веселых мурашек на коже. Ведьма воспринимала смерть с легкостью. Иногда с небольшой насмешкой. Однако народ относился к своей работе, походящей больше на тяжкий долг перед богом, нежели на искусство прощания, очень серьезно.

— Нира, смотрю, ты при параде? — сказал купец, когда ведьма вошла на порог. — Не зря я в прошлом году заплатил тебе плащом. Хорошо сидит.

— Спасибо, Кир. Но в этом году я жду оплату монетами. Иногда Нира принимала плату за свою работу вовсе не звонкой монетой. Ее нередко одаривали пищей и разными вещами. Прошлой зимой торговец Кирстон не мог полностью расплатиться за пышный букет Вдовьего инея. Тогда он скромно добавил к мешочку с золотом мягкий зимний плащ из шерсти редкого снежного кролика. Цена такого подарка на самом дешевом базаре была пятнадцать золотых.

Темно-синий бархатистый плащ оттенял голубой гольф и того же цвета штаны. Надетый сверху жилет подчеркивал стройную фигуру девушки. Ее наряд завершали кожаные сапоги, утепленные пушистым мехом, и изящный пояс, на котором были закреплены маленький подсумок и узелок с цветами.

— В этом году меньше. Отдам за тридцать золотых, — Нира повысила цену, надеясь на понимание Кирстона.

— Дорого, подруга. Жадность твоя растет быстрее сорняков! Я в прошлом году чуть с голоду не умер, а ты мне такую цену завернула, — мужчина не прятал улыбку, но взгляд его был словно лезвие меча, готового ударить. — Пятнадцать. Ни больше, ни меньше.

— С каждым годом цветов меньше, а умирает больше. Ты хочешь следующей хоронить меня и мою дочь? Или цену жизни забыл? — ведьма подмигнула Авигее, пытаясь спрятать от нее страх.

— Ничего не знаю. Либо пятнадцать, либо ищи другого глупца. Здесь тебе не базар, а дом смерти.

— Кир, не хочу принизить твой труд, но не забывай, — девушка направилась к выходу. — Люди платят не за ритуалы и погребение, а за спасение собственной совести от бога воздаяния. Если человеку важно сохранить свою жизнь, неужто он готов сэкономить несколько золотых?

Не дожидаясь ответа, Нира вышла с дочерью на улицу, хлопнув дверью.

«Снизить цену? Еще чего! Он зря считает, что я буду унижаться перед ним ради его золота. Ну и жди божье благословение, пока другой будет радоваться покупке. Он не последний купец в городе... хоть и бесит меня меньше остальных», — горячая, почти ослепляющая мысль пронеслась в голове ведьмы.

Тьма на землях Весперов опускалась быстро и решительно, словно плотный бархат укрывал землю. Вечерний сумрак скользил по улицам и оставлял лишь тревожное предчувствие.

Спустя несколько долгих и безрезультатных часов девушки, погруженные в тяжелую завесу отчаяния, разместились на каменной скамье посреди площади. Нира чувствовала горечь поражения и легкое головокружение, словно запах Вдовьего инея растекался по венам. Казалось, что каждый прохожий озабочен лишь своим кошельком, забыв о человечности. Тяжело пульсируя в такт сердцу, каждая мысль становилась бременем. Тщетные попытки продать цветы увенчались провалом. Цена не устраивала даже тех, кому Нира снизила ее до десяти золотых за букет, будто никого не волновали древние обычаи.

«Лучше ничего, чем букет на один венок», — девушка повторяла фразу последнего купца.

Взгляд ведьмы упал на дочь, которая пыталась осторожно снять волшебную заколку с волос. Не удержав свой страх, девушка вспыхнула ярче пламени костра, резко ударив ла-

донью по руке Авигеи.

— Что ты делаешь? — Нира вскочила, и словно сама тьма поднялась за ней.

— Почему ты злишься? Я всего лишь хотела снять заколку. Голова устала...

— Я говорила не снимать. А если украдут?

— Да хватит уже! — крикнула Авигея, швырнув заколку на землю. — Хочу и снимаю! Надоела уже!

Камень разбился вдребезги, словно материнское сердце. Мир вокруг замер, пытаясь запечатлеть миг вечного страха. Девушки почувствовали глубокий раскол, разрывающий их внутреннюю связь, и Авигея рванула прочь в неизвестность. Только громкий топот бегущих ножек и раздающийся эхом плач оставались позади. Там, где раньше царило понимание, в мгновение осталась лишь пустота. Стремясь вернуть утраченное спокойствие, Нира схватила заколку и начала преследовать дочь.

«Сука! Единственный якорь разбился! Теперь я не смогу ее найти с помощью магии!» — страх проникал в сердце девушки с каждым ударом пульса.

Нира могла сконцентрироваться лишь на потоке сильной магии, который исходит от существ или ее собственных чар. Несмотря на то что Авигея «дитя луны» — она не была сосудом, в котором циркулировала магия. Из-за этого понимания, внутренний крик бил по вискам девушки.

Ситуацию также усложняли запутанные узкие переулки.

Толпы людей мешали проходу, и малейшее неловкое столкновение заставляло терять драгоценное время. Пробираясь по темным дворам, Нира споткнулась о мужскую ногу и упала на колени.

— Что же вы так бежите, будто что-то украли? — незнакомец улыбнулся девушке, протягивая руку помощи.

— Ведите себя тише. Граф Кастр в любой момент может мимо проехать. Он не любит беспорядок... — рядом раздался тихий женский голос.

«Только этого не хватало...» — когда Нира услышала знакомое имя, она поняла — положение дел ухудшилось окончательно. Странное совпадение вызвало сильнейшую бурю эмоций и противоречий. Что будет, если Бальтазар ее увидит? Поймет ли он, что перед ним его дочь? Лоренс не хотела об этом думать и лишь продолжила погоню.

Потеряв след и прислушиваясь внутреннему зову сердца, девушка добежала до развилки. Две дороги. Два разных направления. Один сложный выбор.

Не зная, что делать, она словно обратилась к древней мудрости ветра:

— Ветер, впитай мои слова и направь мою дорогу путем неслышанного шепота...

И он услышал. Порыв ветра, будто пытаясь поднять ведьму над крышами, кружился у ее ног. В его вое девушка услышала шепчущий отклик природы, повторяющий чужой шепот: «Свои, не бойся. Сиди тихо и не шевелись».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.